

2. Коняхин, В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / В.П. Коняхин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 348 с.

3. Идрисов, Н.Т. Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблемы правового регулирования: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н. Т. Идрисов, Самар. гос. ун-т, Самара, 2009. – 22 с.

4. Коняхин, В.П. Уголовно-правовая регламентация института экстрадиции: перспективы оптимизации / В.П. Коняхин, А.И. Гончаренко // 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: de lege late et de lege ferenda: мат-лы Межд. науч.-практ. конференции (Ярославль, 23-24 июня 2016 г.). – Ярославль, 2016. – С. 12 – 21.

УДК 343.43

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ В РАМКАХ ГЛАВЫ 22 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Е.А. Коротич,

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина

В действующем Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) основанием систематизации преступлений на главы является родовой объект, под которым теория уголовного права традиционно понимает группу родственных и взаимосвязанных общественных отношений, охраняемых уголовным законом [1, с. 92]. Преступные посягательства, связанные общностью родового объекта, объединяются в рамках отдельных глав Особенной части УК, в названии которых и отражается сущность родового объекта соответствующей группы преступлений. Систематизация противоправных деяний по признаку родового объекта является существенным достижением юридической техники: основываясь на учете материального признака преступления, она позволяет определить «характер и значение объединяемых ... отношений для интересов общества и государства» [1, с. 92], а также установить, «какой именно группе, сфере однородных интересов причинен или может быть причинен ущерб в результате совершения преступного деяния» [2, с. 214].

К сожалению, в уголовном законе Республики Беларусь принцип систематизации преступлений по признаку родового объекта выдержан не до конца, подтверждением чему является гл. 22 УК «Преступления против личной свободы, чести и достоинства». Несмотря на то, что в юридической литературе подобное объединение преступных деяний неоднократно становилось предметом критических замечаний, законо-

датель счел отношения в сфере обеспечения личной свободы, с одной стороны, и чести, достоинства — с другой, столь однородными, а указанные социальные блага — настолько взаимосвязанными, что объединил преступные посягательства на них в рамках одной структурно обособленной главы. С реализованным в УК законодательным решением можно было бы согласиться только с той позицией, что и личная свобода, и честь и достоинство являются составляющими одного и того же явления — неприкосновенности личности. Однако в уголовном законе Республики Беларусь преступления против неприкосновенности личности как таковые структурно не обособлены, а нормы об ответственности за посягательства на отдельные ее проявления рассредоточены по различным разделам и главам УК.

Теоретико-правовое определение родового объекта как совокупности родственных и взаимосвязанных общественных отношений дает основание говорить о том, что при решении вопросов структурного обособления преступных деяний в системе Особенной части УК необходим учет таких признаков, как однородность общественных отношений, которым причиняется или может быть причинен ущерб объединяемыми преступлениями, и их взаимосвязь. При этом очевидно, что проблеме однородности (или неоднородности) общественных отношений в качестве объекта преступлений, систематизированных в рамках гл. 22 УК, следует решать с точки зрения сущности и содержания объединяемых объектов уголовно-правовой охраны, а именно: личной свободы, чести и достоинства. Как правило, в современной литературе личная свобода определяется как «свобода физическая (то есть свобода передвижения, определения места нахождения и т.д.) ... и свобода, предполагающая отсутствие какого-либо психического давления, направленного на изменение поведения человека» [3, с. 42]. В свою очередь, честь — «это общественная оценка личности с нравственных позиций ...», достоинством же признается «самооценка человека, базирующаяся на воспитанных с детства качествах ...» [4, с. 113–114]. Даже не подвергая детальному анализу приведенные определения, можно констатировать, что они обозначают разные явления, в связи с чем не представляется возможным говорить об однородности тех общественных отношений, в рамках которых они находят свое проявление.

Еще более проблематично апеллирование к аспекту взаимосвязи систематизированных в рамках гл. 22 УК объектов уголовно-правовой охраны в качестве их объединяющего фактора: с точки зрения теории прав человека, все права и свободы человека (не говоря уже о личных (гражданских) правах), взаимосвязаны и взаимообусловлены. Более того, общественные отношения, в которых находит свое проявление лич-

ная свобода, настолько разнообразны и сложны, что так или иначе охватывают и те социальные связи, основным объектом которых являются, помимо чести и достоинства, свобода труда и передвижения, свобода выбора места жительства и свобода от вмешательства в личную жизнь, а также другие охраняемые уголовным законом блага, в связи с чем законодатель с тем же успехом мог бы поместить преступления против личной свободы, к примеру, в гл. 23 УК «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Между тем, как справедливо отмечает В.В. Панкратов, «необходимо принципиально определиться – что будет выступать в качестве критерия объединения в той или иной главе составов преступлений: либо это будут тождественные или однородные охраняемые уголовным законом интересы либо в процессе распределения составов по главам и разделам УК будут вклиниваться иные, не связанные с функциональным содержанием охраняемых правом благ, моменты» [5, с. 66]. Безусловно, для построения научно обоснованной системы преступлений, на которую можно было бы ориентироваться в ходе криминализации деяний и при решении вопросов квалификационно-разграничительного характера, необходим единый классификационный признак – родовый объект преступления.

Помимо того, что преступления против личной свободы и посягательства на честь и достоинство отличаются признаками родового объекта, для данных видов преступных деяний не характерно и формальное сходство: рассматриваемые преступления существенно отличаются по признакам объективной стороны. Различно здесь и содержание умысла виновных. И хотя названные признаки при решении вопросов структурирования преступлений не имеют значения системообразующего критерия, они, тем не менее, позволяют судить о разной направленности рассматриваемых групп преступлений.

В контексте сказанного объединение в рамках гл. 22 УК преступлений против личной свободы, чести и достоинства, с точки зрения принятого критерия систематизации, представляется искусственным. Устранению данного недостатка могло бы способствовать структурное обособление преступлений против личной свободы в рамках отдельной главы УК – «Преступления против личной свободы». Структурное обособление данных преступлений позволило бы обеспечить не только однородность соответствующей рубрики уголовного закона, с точки зрения юридической природы объединяемых деяний, но и в большей степени отражало бы содержание и значение личной свободы в качестве объекта уголовно-правовой охраны. Следует отметить, что подобный прием систематизации известен уголовному закону многих зарубежных государств.

Литература:

1. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий [и др.] ; под ред. В.М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.
2. Курс уголовного права : в 5 т. / Моск. гос. ун-т ; под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М. : Зерцало-М, 2002. – Т. 1 : Общая часть. Учение о преступлении / Г. Н. Борзенков [и др.]. – XII, 611 с.
3. Марчук, В. Торговля людьми (уголовно-правовой анализ и квалификация) / В. Марчук // Суд. весн. – 2002. – № 4. – С. 41–45.
4. Уголовное право. Особенная часть : учеб. для вузов / Т. И. Ваулина [и др.] ; отв. ред.: И. Я. Козаченко [и др.]. – М. : Инфра-М : Норма, 1997. – 768 с.
5. Панкратов, В. В. Уголовно-правовая охрана личной свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. В. Панкратов. – Екатеринбург, 1999. – 155 л.

УДК. 343.366

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВА НА ИМУЩЕСТВО ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ

*Л.В. Лобанова,
доктор юридических наук профессор,
Волгоградский государственный университет,
(Российская Федерация)*

Отправной точкой для обсуждения проблемы, озвученной в названии доклада, является рекомендация, содержащаяся в абзаце 2 п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 года № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Здесь говорится: «Если мошенничество совершено в форме приобретения права на чужое имущество, преступление считается оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным (в частности, с момента регистрации права собственности на недвижимость или иных прав на имущество, подлежащих такой регистрации в соответствии с законом; со времени заключения договора; с момента совершения передаточной надписи (индосамента) на векселе; со дня вступления в силу судебного решения, которым за лицом признается право на имущество, или со дня принятия иного правоустанавливающего решения уполномоченными органами власти или лицом, введенными в заблуждение относительно наличия у